

УДК 930.1

Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты

Капитонова Т.А., Белокрылова В.А.
Государственное научное учреждение
«Институт философии Национальной академии наук Беларуси», Минск

Одно из ведущих мест в современном социокультурном знании занимают исследования феномена исторической памяти. При этом проблематика памяти выходит далеко за пределы узкого академического сообщества, формируя повестку дня широких общественных дискуссий и претендуя на статус новой парадигмы нашей эпохи, названной Пьером Нора «эрой коммеморации».

Цель статьи – выявление важных тенденций в современном изучении исторической памяти, задающем методологические рамки интерпретации культурных феноменов прошлого и настоящего.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена современными социокультурными теориями и концепциями, посвященными анализу актуального содержания исторической памяти, факторов ее естественного и/или искусственного воспроизводства, модификации и т.п. При этом используются методы системного и компаративного анализа.

Результаты и их обсуждение. Показана диалектическая взаимодополняемость историографического и биографического подходов к изучению содержания и механизмов воспроизводства исторической памяти, которая репрезентируется как нарратив идентичности социума, конструируемый на основе ценностной интерпретации исторических событий. Выявлено, что демонстрируемый акцент на ценности в оценке событий прошлого непосредственно связан с глобализацией исторического нарратива.

Заключение. Сформулированы основные тренды в современных исследованиях исторической памяти: комплексность историографического и биографического подходов, социально конструируемый характер исторической памяти, глобализация исторического нарратива.

Ключевые слова: исследования исторической памяти, индивидуальная память, коллективная память, биографический метод, устная история, социальное конструирование памяти.

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 126–130)

Current Trends in Historical Memory Studies: Philosophical and Methodological Aspects

Капитонова Т.А., Belokrylova V.A.
State Scientific Institution
«Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk

Studies of historical memory occupy one of the main points on the agenda of contemporary social and humanitarian knowledge. Memory research goes far beyond the narrow academic community; it forms an agenda for broad public debate and claims the status of a new paradigm of our era, which Pier Nora called the «era of commemoration».

The purpose of the article is to identify important trends in contemporary studies of historical memory that set the methodological framework for the interpretation of cultural phenomena of the past and present.

Material and methods. Sources of research are represented by modern sociohumanitarian theories and paradigms devoted to the analysis of the topical content of historical memory, the factors of its natural and/or artificial reproduction, modification, etc. The conducted research is based on methods of system and comparative analysis.

Findings and their discussion. The dialectical complementarity of historiographic and biographical approaches to the study of content and mechanisms of historical memory reproduction is showed. Historical memory is re-presented as a narrative of social identity, which is constructed on the base of the moral interpretation of historical events. It is revealed that the emphasis on values in the interpretation of past events is directly related to the globalization of the historical narrative.

Адрес для корреспонденции: e-mail: drkapitonova@gmail.com – Т.А. Капитонова

Conclusion. *The main trends of contemporary studies of historical memory are formulated: the complementarity of historiographical and biographical approaches; socially constructed character of historical memory; globalization and focus on the values of historical narrative.*

Key words: *historical memory studies, individual memory, collective memory, biographical method, oral history, social construction of memory.*

(Scientific notes. — 2017. — Vol. 23. — P. 126–130)

Исследования феномена исторической памяти (в англоязычной литературе используется термин «memory studies») претендуют на одно из ведущих мест в повестке дня современного социогуманитарного знания. При этом под исторической памятью, как правило, понимается система представлений о прошлом, подтверждающая для членов общества их коллективную идентичность и символически репрезентирующая их единство во времени и пространстве [1–3].

Оценка актуального содержания исторической памяти, факторы ее естественного и (или) искусственного воспроизводства, модификации вызывают значительный резонанс в общественно-политических дискуссиях и практиках. Внимание к данной проблематике настолько велико, что ряд исследователей заявляет о рождении новой мемориальной парадигмы в гуманитарных науках, позволяющей с иного ракурса взглянуть на различные явления в сфере культуры [4; 5]. Концептуальные основы мемориальной парадигмы сформулированы такими авторами, как М. Хальбвакс, Ж.Ле Гофф, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, П. Рикер, Я. Ассман, П. Нора и др. На постсоветском пространстве систематические исследования проблематики памяти проводят И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, Н.Е. Копосов, А.Ф. Смоленчук, Г.Н. Саганович, А.Л. Ластовский и др.

Цель статьи — выявление наиболее важных тенденций в современном изучении исторической памяти, задающем методологические рамки интерпретации культурных феноменов прошлого и настоящего.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена современными социогуманитарными теориями и концепциями, посвященными анализу актуального содержания исторической памяти, факторов ее естественного и/или искусственного воспроизводства, модификации и т.п. При этом используются методы системного и компаративного анализа.

Результаты и их обсуждение. В современных исследованиях можно выделить такие базисные аналитические уровни

репрезентации изучаемого предмета, как коллективная и индивидуальная историческая память. Коллективная историческая память (термин, введенный М. Хальбваксом в работе «Социальные рамки памяти» [6]) в значительной своей части конструируется властным дискурсом и представляет собой четко структурированный и упорядоченный набор описаний, идей и образов прошлого. Это знание передается из поколения в поколение и воспроизводит себя в различных социальных и институциональных практиках, коммуникациях.

В свою очередь индивидуальная историческая память формируется как медиатор, посредник, соединяющий индивида с группой в процессах повседневной коммуникации. Если коллективная историческая память опосредует восприятие прошлого при помощи институциональных каналов, то индивидуальная память обращается непосредственно к личному опыту прошлого.

Диалектическая природа взаимодействия индивидуального и коллективного начал исторической памяти выступает одной из тем, активно разрабатываемых исследователями. Так, приверженцы социологической школы Э. Дюркгейма, разделяя точку зрения о существовании социальных механизмов организации памяти членов общества, полагают, что коллективная память включает в себя индивидуальную, будучи при этом не механической суммой представлений отдельных личностей, а обобщенным образом этих представлений, принимаемым и узнаваемым всеми членами данного сообщества. В рамках подобной традиции предполагается, что индивидуальная историческая память в силу своей фрагментарности и уникальности не может составлять основу, базис коллективной исторической памяти. Скорее она должна вписываться определенным образом в общественное историческое пространство, тем самым выполняя функции контроля и верификации.

Стоит отметить, что указанная точка зрения не является общепризнанной. В специальной литературе активно дискутируется вопрос об онтологическом статусе концепта коллективной памяти: можно ли говорить о существовании над- или

внеиндивидуальной коллективной памяти (memory collective) или же более корректным будет вести речь о совокупной памяти (memory collected) вместе взятых отдельных воспоминаний членов общества (Ш. Линд) [7].

Одной из методологических проблем теории коллективной исторической памяти является, по мнению В. Канштайнера, неоправданный перенос на понятие коллективной памяти существующих нейрофизиологических и психологических представлений об индивидуальной памяти, что препятствует построению внеиндивидуального измерения данной теории [8, р. 179]. Другая проблема – излишняя эмоциональность и политизированность изучения механизмов коллективной памяти. Например, в случае исследования тем Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида изучаемый материал, как отмечает А. Васильев, «активно сопротивляется холодному и объективному исследовательскому взгляду, требует эмоциональной вовлеченности, сопереживания» [9], что, в свою очередь, мешает беспристрастному раскрытию механизмов работы нарративов памяти о травматических событиях в жизни сообществ.

Диалектика взаимовлияния индивидуального и коллективного начал в формировании актуального «контента» исторического сознания находит свое непосредственное отражение в диалектике методологически полярных концептуальных систем, в рамках которых разворачивается теоретическая репрезентация механизмов исторической памяти. Так, представленные в литературе методы исследования исторической памяти можно условно разделить на две основные группы, зачастую противопоставляемые и в то же время диалектически дополняющие друг друга. Одна из них, условно назовем ее *историографической* традицией, выстраивая хронологические нарративные структуры, делает акцент на восстановлении содержательно-фактической канвы событий прошлого, используя в числе прочих методы контент- и дискурс-анализа. Ее приверженцы (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) постулируют, что историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого [4; 6]. Так, Пьер Нора, противо-

поставляя память и историю, пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делигитимизация пережитого прошлого» [4, с. 20].

В то время как альтернативный – *биографический* подход включает в себя помимо объективного, содержательно-фактического каркаса, выступающего базовым фоном для разворачивания ленты личностных событий, прежде всего, субъективные, экзистенциально-смысловые компоненты. Так, наиболее влиятельная парадигма биографического подхода, именуемая «устной историей» или «oral history», подразумевает «сбор научно организованной устной информации от непосредственных свидетелей исторических событий» [10]. Отличительной чертой биографического подхода является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания, а также позволяет дополнить сведения, полученные из официальных источников, свидетельствами непосредственных участников событий [11]. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти помогает «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников; вводит в научный оборот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию, личный опыт пережитого.

Взаимодополняющий характер двух обозначенных подходов связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентированная на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого,

не дополненная возможностями биографического подхода, служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию ее смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов формирования и воспроизводства. Биографический метод, вводя в научный оборот наполненную уникальными красками повседневности, позволяет преодолеть одномерность традиционной *историографической* интерпретации реальности. Наличие широкого спектра субъективных свидетельств делает воссоздаваемую картину исторической реальности более объемной и многоплановой и, тем самым, более объективной и реалистичной. Исследовательская парадигма устной истории, актуализируя дополнительные смысловые пласты прошлого, открывает широкие возможности для трансдисциплинарного синтеза в изучении исторической памяти, требующего консолидированных усилий специалистов различных гуманитарных наук: историков, политологов, философов, социологов, психологов.

Другим важным трендом современных исследований, который нельзя оставить без внимания, является *презумпция социального конструирования исторической памяти*. Отправная точка современного рефлексивного отношения к знанию о прошлом – проблематизация нелинейного процесса его социального конструирования, которое становится самостоятельным предметом анализа и гипотетического моделирования. Конструктивно-процессуальный характер коллективной деятельности в сфере исторического интерпретирует память об историческом явлении как конструируемый контекстуальный феномен; как процесс, мобилизующий разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащий выражением солидарности группы. Это означает, что многочисленные данные, сохраненные различными способами на разных носителях информации, сами по себе, без соответствующей работы социальных акторов, не являются исторической памятью, но образуют ее лишь тогда, когда извлекаются из хранилища и становятся предметом коммуникаций в рамках определенной нации, группы, сообщества. То, каким образом различные социальные институты работают со своим прошлым, как перерабатываются и реактуализируются нарративы о прошлом для реализации текущих

целей общества и целей его будущего развития, – одна из ключевых тем в изучении процессов формирования исторической памяти [9].

Историческая память как способ актуализации прошлого для решения задач настоящего и воплощения целей будущего развития выполняет две важные взаимосвязанные социальные функции: идентификации и легитимации. Как отмечает Шарлотта Линд в своей работе «Работая с прошлым: Нарратив и институциональная память», функция идентификации используется для конструирования стабильного нарратива идентичности общества, т.е. позволяет показать, что «то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [7, р. 3]. Обеспечивая ориентацию в историческом времени и социальном пространстве, знания о прошлом становятся основой культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности.

В свою очередь функция легитимации позволяет политикам использовать память для обоснования своего права на власть, для оправдания своих внутри- и внешнеполитических действий. Используемые ими исторические аналогии зачастую выступают в качестве неких прототипов или образцов принятия политического решения, не только предлагая спектр возможных вариантов действия в данной ситуации, но также и обосновывая тот или иной политический порядок через отсылку к прошлому.

Процессы памятования и забвения играют серьезную роль в реализации стратегий социальных трансформаций, в том числе в реинтеграции расколотых обществ, переживших период массового насилия и преступлений против человечности и желающих перейти к гражданскому согласию и миру [9]. Историческая память, объемлющая зачастую противоположные воспоминания разных групп об одних и тех же событиях, имеет амбивалентный характер. Она выступает не только как фактор стабильности и интеграции общества, но и как средство социальных изменений, как движущая сила давно назревших общественных перемен и трансформационных процессов. Немаловажную роль в этом играет морально-ценностная интерпретация исторических событий.

Таким образом, еще одним важным моментом в исследовании исторической памяти является *акцент на ценности в интерпретации исторических событий*, что

непосредственно связано с *глобализацией исторического нарратива*. Процессы конструирования исторической памяти, традиционно реализуемые на уровне национальных государств, под воздействием феномена глобализации неизбежно оказываются помещенными в более широкий, региональный, а зачастую, и глобальный контекст. Каждая нация, конструирующая образ своего прошлого, делает это «на глазах» других наций, в контексте мирового историко-дискурсивного пространства.

Это ставит перед исследователями вопрос о принципиальной возможности коллективной памяти зарождающегося глобального сообщества. Апологеты глобальной космополитической памяти связывают возможность ее возникновения с феноменом Интернета, общемировых коммуникаций и СМИ. В свою очередь ее оппоненты указывают на принципиальную несовместимость локальных центров национальной памяти и феномена глобальной коммуникации, разрушающей культурные границы. При этом и те, и другие подчеркивают тесную взаимосвязь и взаимовлияние феноменов исторической памяти и глобализации, описывая мобильные и непредсказуемые процессы их совместного развития [12].

Одним из наиболее наглядных результатов этой коэволюции стало появление глобальной аудитории, разделяющей принципы универсальности прав человека, гуманизма, свободы и демократии и оказывающей существенное влияние на оценку и интерпретацию исторических событий. Благодаря внедрению в историческое сознание морального императива, основанного на гуманистических ценностях, стало возможным констатировать постепенное смещение парадигмы памяти: на смену доминировавшим ранее героическим нарративам, основанным на образах национальных побед, пришли нарративы жертв, занявшие центральное место в глобальном дискурсе «коллективной вины и ответственности».

Таким образом, историческая память, предоставляя дискурсивный контекст для пересмотра ценностей и установок локального прошлого, оказывается способной задавать новые ценностно ориентированные горизонты смыслов и возможностей для общего глобализированного будущего.

Заключение. В статье сформулированы основные тренды современных исследований исторической памяти: комплексность историографического и

биографического подходов, социально конструируемый характер исторической памяти, глобализация исторического нарратива и его ценностно ориентированный характер. В частности, показана диалектическая взаимодополняемость историографического и биографического подходов к изучению содержания и механизмов воспроизводства исторической памяти. При этом историческая память репрезентируется как нарратив идентичности социума, конструируемый на основе ценностной интерпретации исторических событий.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г15-106).

Литература

1. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс] / А.Л. Ластовский. — Полит.ру. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. — Дата доступа: 29.09.2014.
2. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с.
3. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания / Л.П. Репина. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 44 с.
4. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора [и др.]. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 17–50.
5. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — 368 с. — (Studia historica).
6. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. — М.: Новое изд-во, 2007. — 348 с.
7. Linde, Ch. Working the Past: Narrative and Institutional Memory / Ch. Linde. — New York: Oxford Univ. Press, 2009. — 264 p.
8. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. — 2002. — Vol. 41, N 2. — P. 179–197.
9. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев. — Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. — Дата доступа: 29.09.2016.
10. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. — М.: Весь мир, 2003. — 367 с.
11. Ritchie, D.A. Doing Oral History / D.A. Ritchie. — 3rd ed. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. — 368 p.
12. Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories / Eds. A. Assmann, S. Conrad. — New York, 2010. — 249 p.

Поступила в редакцию 05.06.2017 г.